

Аполлон танцует бит

Юрий Арабов получил премию Аполлона Григорьева

НАТАЛЬЯ КОЧЕТКОВА

Вчера в Овальном зале Библиотеки иностранной литературы жюри литературной премии Аполлона Григорьева объявило имя ее очередного обладателя. Выбирали из трех финалистов — Юрия Арабова, Виктора Пелевина и Бориса Стругацкого. И выбрали Арабова.

Из трех кандидатов на премию Аполлона Григорьева как минимум двое уже испытали на себе премиальные чистки. Роман С. Витицкого (Бориса Стругацкого) «Бесильные мира сего» был выдвинут на «Русский Букер», но должного внимания не привлек — добрался только до длинного списка. Виктор Пелевин с «Диалектикой переходного периода» претендовал на премию Андрея Белого в номинации «проза» и также не получил ее. Жюри даже жаловалось, что наличие писателя среди номинантов родило определенные сложности. Можно было бы дать ему премию за заслуги, но классиком Пелевин все же еще не стал — в том смысле, что еще продолжает развиваться. В результате премию получила Маргарита Меклина из Сан-Франциско, а Пелевину, согласно оправданиям жюри, пришлось служить камертоном, по которому проверяли, звучит ли чужая проза на его фоне или нет. Несколько особняком в списке стоял известный сценарист и единственный в России киноматург — обладатель каннского приза за лучший сценарий Юрий Арабов (интервью с ним читайте на страницах 01 и 04). Его автобиографический роман «Биг-бит» о русских битниках не в каких громких литературных номинациях замечен не был. Эффектно смотрелось уже само появление имени Арабова в списке главных претендентов на звание лауреата премии Аполлона Григорьева. Но еще более удивительным оказалось объявление результата: именно Арабов и стал победителем. Отмеченный жюри роман «Биг-бит» — о подростке по кличке Фет, который слуша-

ет «жучков» — так они с друзьями называют «битлов» — в невыносимых условиях: на бобинах с магнитофонной пленкой, самодельных пластинках из рентгеновских снимков. Сначала они даже не понимают, женские там звучат голоса или мужские, но противостоят обаянию ливерпульской четверки не могут. Фет мечтает поехать в Лондон к своим кумирам. И получает приглашение от фирмы Apple. Сначала мать мальчика, которая работает на киностудии, решает написать Брежневу, потом, не получив ответа, пробует устроить сына на съемки фильма, которые будут проходить в Европе (кстати, мать Арабова и правда работала на студии Горького), только чтобы того выпустили в Англию. В итоге Фет приходит-таки к Леннону. В его доме собираются все участники уже разваливающейся к тому времени группы, и они вместе играют «Roll over Beethoven». Правда, потом оказывается, что это все фантазия, но у читателя от прочтения остается сладкое посасывание под ложечкой, как после в первый раз прочитанной «Авторизованной биографии» «Beatles» Хантера Дэвиса. Битломаны поймут.

После исчезновения спонсора, Росбанка, материального эквивалента премии Аполлона Григорьева до сих пор не существует. Хотя Академия русской современной словесности задумывалась как организация хотя и некоммерческая, но финансовым делам не чуждая.

Так что премия среди прочих проектов академии рассчитана не только на символическое, но и на денежное поощрение победителей. Можно предположить, что нынешний

список номинантов и имя лауреата привлекут спонсоров, которые займут место капитулировавшего Росбанка.

газета

российские литературные премии

Наиболее универсальными среди российских литературных премий можно считать премию Аполлона Григорьева, вручаемую за лучшее художественное произведение вне зависимости от жанра, и премию Андрея Белого, присуждаемую в нескольких номинациях — поэзия, проза, интеллектуальная проза, особые заслуги перед отечественной литературой. Премия «Национальный бестселлер» вручается прозаическим произведениям, а «Москва-трансмит» и «Московский счет» — поэтическим. Существуют и премии специфически жанровые: «Русский Букер» вручается за лучший роман, премия И.П. Белкина — за повесть, а премия Юрия Казакова — за рассказ. Особняком держатся фантасты со «Странником» и росковским «Лучшим фантастом года». Разумеется, премия премии рознь. И тем не менее самыми влиятельными и престижными в России принято считать премии Аполлона Григорьева и Андрея Белого, а также «Русский Букер» и «Национальный бестселлер».

“Курт Кобейн для меня свой в доску”

лауреат премии Аполлона Григорьева Юрий Арабов — Газете

01 стр В вашем романе важную роль играет тема рок-н-ролла. А какую музыку слушаете вы?

Из музыки XX века мне нравятся монстры рок-н-ролла, его основатели, причем главным образом опять-таки наиболее крупные мелодисты, те, кто работал с гармонией, в первую очередь вся генерация мерси-бита, возглавляемая The Beatles, Simon & Garfunkel, Бобом Диланом. Я очень люблю The Kinks. Как мелодисты они уступают Полу Саймону и The Beatles, но они блестящие иронисты. Из современных групп люблю Muse, Blur и частями — Radiohead. «Absolution», последняя пластинка Muse — пример христианского мелодического рока, который существует вне сегодняшнего контекста. Тем не менее я был просто сражен этой пластинкой. «Гаражников» я воспринимаю только в определенном контексте. Мне интересно, как гаражный рок повлиял на панк и на группу Nirvana. К Кобейну, кстати, я отношусь очень хорошо — он для меня свой в доску.

Кого вы считаете своими учителями?

Были люди, которые просто били меня по рукам. Таким человеком, в частности, был сценарист Николай Николаевич Фигуровский, автор фильма «Когда деревья были большими», у которого я учился. Он действительно лупил меня по рукам, после пяти лет обучения я вышел из его мастерской, так сказать, калекой. И я за это ему крайне благодарен. Потому что глупость нужно выбивать. Жаль только, что до конца эту глупость из меня так и не выбили.

Вы работаете сейчас над сценарием фильма по роману Пастернака «Доктор Живаго». Роман не очень кинематографичен, его композиционная структура довольно сложна...

Юрия Арабова (слева) оценили по меркам Аполлона Григорьева
Фотограф: Максим Коняев/Газета

Роман в принципе непереложим на язык драматургии и кино. Я пытаюсь выразить смысловую сторону романа Пастернака в реалиях моего поколения, которые экстраполированы на начало века. Такая вот художественная задача — довольно спорная и сложная. Но сюжет о человеке, который предпочел божественной жизни помощь простым людям — сюжет вечный. Я пытаюсь работать с ним так, как я умею это делать.

Время действия внешне не изменено, но все же есть прямая переключка с восьмидесятыми годами. Что получится — Бог весть, для меня это «езда в неизвестное». Кино — это знак вопроса. Меня попросили, я решил этим заняться и, кстати, впервые внимательно прочел роман Пастернака, от которого получил большое удовольствие. Это — явная польза. Насчет остального пока не знаю.